

Калдузова Виолетта Александровна

ПРОТЕСТ ОРЕНБУРГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ АГРАРНО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.

В статье рассматривается протестное движение оренбургского крестьянства на рубеже 1920-1930-х годов. На основе ранее не опубликованных архивных документов исследуются формы пассивного и активного сопротивления проводимой в деревне хлебозаготовительной политике - методы, мотивы, динамика численности. Изучаются исчезающие под влиянием внешних факторов элементы взаимопомощи и общинной психологии крестьянства. Автор приходит к выводу, что преобладание мотива преодоления продовольственных затруднений является главным для крестьянства, и отмечает, что в сложившихся условиях крестьянский протест стал закономерным явлением.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 75-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 94(47).084.6(470.56)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается протестное движение оренбургского крестьянства на рубеже 1920-1930-х годов. На основе ранее не опубликованных архивных документов исследуются формы пассивного и активного сопротивления проводимой в деревне хлебозаготовительной политике – методы, мотивы, динамика численности. Изучаются исчезающие под влиянием внешних факторов элементы взаимопомощи и общинной психологии крестьянства. Автор приходит к выводу, что преобладание мотива преодоления продовольственных затруднений является главным для крестьянства, и отмечает, что в сложившихся условиях крестьянский протест стал закономерным явлением.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; пассивный протест; активное сопротивление; хлебозаготовки; крестьянский менталитет; слухи о войне; антисоветские лозунги; динамика крестьянских выступлений.

Калдузова Виолетта Александровна*Оренбургский государственный педагогический университет**ka-violetta@mail.ru***ПРОТЕСТ ОРЕНБУРГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ АГРАРНО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ. ©**

Отношения части и целого в категориях «власть – общество» приобретают особое значение в периоды реформирования. Поддержка реформ и начинаний является не только индикатором правильности выбранного вектора преобразований и стимулом для их дальнейшей реализации, но и немаловажным критерием стабильности и социально-экономической безопасности региона. Рубеж 1920-1930-х годов стал для советского крестьянства периодом ломки традиционного уклада жизни. Введение чрезвычайных мер в деревне, увеличение «ножниц цен» на продукцию сельского хозяйства способствовали обострению товарного дефицита и всплеску недовольства в среде крестьянского населения, изменив повседневный быт крестьянской семьи.

Разнообразие мнений, имеющихся в историографии, в каких категориях следует говорить о крестьянских волнениях, свидетельствует о дискуссионности и остроте проблемы. Движение от понимания протеста как проявления антисоветских, кулаческих настроений до крестьянского бунта против «внутренней колонизации» [1] или полномасштабной крестьянской войны начала 1930-х годов [3] отразило эволюцию представлений о реакции сельского населения на проводимые в деревне преобразования.

Выявление пассивной и активной форм крестьянского сопротивления принадлежит Н. А. Ивницкому [4]. Исследователь отметил разрозненность крестьянского движения рубежа 1920-1930-х годов и обращенность недовольств на конкретные кампании или отдельных людей. Информационные сводки о проведении хлебозаготовительной кампании по Оренбургскому округу, отчеты уполномоченных по хлебозаготовкам и сводки ОГПУ о политическом состоянии населения округа подтверждают эту тенденцию региональным материалом.

Парадокс, долгое время существовавший в историографии изучения крестьянской активности и менталитета, выделил Д. А. Сафонов. По его мнению, крестьянское сознание как сложная консервативная система, согласно устоявшейся в исторической науке периодизации, уже после революции «дробится по социальным группам, чтобы потом вновь унифицироваться в крестьянской деревне» [9, с. 97]. Исследователь предлагает выйти за рамки устоявшихся периодов и рассматривать общественное сознание через комплекс источников.

Изучение форм проявления недовольства крестьянского населения Оренбургского округа (с 1928 – в составе Средне-Волжского края) в 1928-1932 гг. представляется актуальным в связи с тем, что Урал и Сибирь были названы районами первостепенной важности, требующими отчаянного нажима для полного и рационального с точки зрения государства проведения хлебозаготовок. Усугубляли ситуацию с хлебозаготовками периодически повторяющиеся в округе неурожаи в 1928, 1930 и 1931 годах.

Именно хлебозаготовительная кампания, проводимая путем практически полного изъятия излишков зерна, связывалась в крестьянском сознании с угрозой голода, поэтому всплеск недовольства приходится именно на период ее проведения, а рубежными вехами становятся законодательные акты, в большинстве случаев ужесточающие проведение кампании. Показательной в данном ракурсе является директива ЦК ВКП(б) местным организациям об усилении мер по хлебозаготовкам от 14 января 1928 года [11, с. 147]. «Хлебозаготовки представляют крепость, которую мы должны взять во что бы то ни стало», – отмечал в ней И. Сталин, давая тем самым отсчет не только кардинальному экономическому эксперименту в рамках одной страны, но и закладывая основу недоверия сельского населения к проводимым аграрным преобразованиям.

Как отмечают В. В. Кондрашин [5], Т. А. Мельникова [7], Е. А. Осокина [8], кризисные явления, наблюдавшиеся в сельском хозяйстве с 1928 года, были следствием попыток форсирования индустриализации.

В развитии крестьянского сопротивления на территории Оренбуржья невозможно выделить четкие этапы с преобладанием той или иной формы протеста. Пассивное недовольство (резкие высказывания, сокрытие

хлеба, распространение листовок) сочеталось с активными проявлениями – организацией нападений на сельских активистов («бросили камень в окно», угроза убийством или убийство, порча имущества колхоза), открытыми выступлениями против местных властей [12, д. 196, л. 30].

С 1928 года сводки ОГПУ фиксируют в массовом количестве появление в крестьянской среде листовок антисоветского содержания [Там же, д. 339, л. 5а]. В них звучат призывы к восстанию против коммунистов, к свержению грабительской власти. В 1930 году в с. Петровское были расклеены объявления с призывом к крестьянам не сдавать хлеб – «вам будет хорошая подмога со всех сторон, мы почувствуем себя свободными, долой социализм» [Там же, л. 9]. Расклеенные в количестве 1300 экземпляров листовки, согласно сводке ОГПУ, влияния на крестьян не имели и вызывали только смех.

Региональные архивы сохранили свидетельства тех лет в письмах простых граждан в высшие органы власти краевого и союзного уровня. Для Оренбуржья это было скорее исключением, нежели правилом, что усиливает эмоциональный эффект от прочтения таких рассуждений. Письмо, адресованное бывшим подпольным работником Стачечного комитета большевиков А. Е. Рябовым лично И. Сталину, содержит горькие рассуждения о недостаточных размерах продовольствия и непродуманной политике советской власти в деревне [Там же, л. 8].

Особым направлением крестьянского сопротивления является распространение слухов о войне, причем ставка делалась именно на военные поражения большевиков: «Скоро ли начнется война – хотя бы скорее началась. Мы бы показали этой власти. <...> На фронт воевать не пошли б, а начали войну дома» [Там же, д. 83, л. 13]; «царь Кирилл у китайской границы, ему нужна помощь» [Там же, д. 200а, л. 91]. Средняк из с. Илек связывал подобные настроения с почти мистическими событиями: «На поляне в лесу я увидел белый флаг, на котором написано: "Готовьтесь к войне и берегитесь!"» [Там же, д. 83, л. 71]. С «грядущими» военными конфликтами крестьянское население связывало изменения в своем экономическом статусе, прекращение «людоедских хлебозаготовок» [Там же, д. 339, л. 5].

Росту внутренней напряженности в регионе способствовала и постоянно подчеркиваемая неравноправность крестьянского и рабочего населения, выражавшаяся в различных нормах снабжения продовольственными и дефицитными товарами, лучших условиях жизни в городах. «Рабочему дают полпуда муки на душу в месяц, они получают жалование от 60 руб. до 160 руб. У них жалование не отбирают, а у нас все отбирают и им дают. У нас дети как собачата, а у них – барчата» [Там же, л. 1]. «Все рабочие и служащие имеют право на паяк, а нас на двенадцатом году революции хлебозаготовки лишили такого права», – говорили крестьяне в Ивановском, Шарлыкском, Покровском, Сорочинском районах Оренбургского округа [Там же, л. 3].

Разные категории крестьянского населения полярно оценивали проводимую политику. Налет недоверия, с которым советская власть относилась к главному производящему слою, ежегодно вызывал в среде беднейшего крестьянства разговоры о том, что правительство путем введения непосильных налогов и вывоза хлеба из деревни стремится уничтожить их без применения оружия и отравляющих веществ. Зажиточный крестьянин из поселка Н.-Оренбургского (Кваркенский район) сетовал: «Разве это власть – грабители! Они не дают жить крестьянину, точат его как ржа железо!» [Там же, д. 83, л. 12].

Кулаки и зажиточное крестьянство в период активизации хлебозаготовок, согласно сводкам ОГПУ, проводили выступления агитационного характера [Там же, д. 103, л. 111 об.]. Реакция власти на «различные мнения» в крестьянской среде рельефно прослеживается в материалах Оренбургского губернского суда. Только за первую половину 1928 года к суду привлечен 31 кулак и 24 зажиточных крестьянина, тогда как за спекулятивное установление высоких цен на хлеб по статье 107 УК было осуждено только 14 торговых перекупщиков [Там же, д. 83, л. 2], «урон» от деятельности которых был куда больше, чем существование в деревне зажиточных крестьян.

Средняк, чье отношение к проводимым мероприятиям во многом определялось постоянно изменяющейся по отношению к нему линией поведения правительственных кругов, занимал выжидательную позицию [Там же, д. 103, л. 111 об.]. Уполномоченные по хлебозаготовкам чаще всего отмечали в отчетах, что «средняк мало себя проявляет, активно ни на что не возражает» [Там же, д. 205, л. 1].

Очень неоднозначную реакцию на особенности и перегибы хлебозаготовительных кампаний показывало беднейшее крестьянское население, наименее всех защищенное от возможных продовольственных затруднений – «хлебозаготовка для бедноты означает преждевременную голодную смерть» [Там же, д. 219, л. 128]. Бедняк из Оренбургского района отмечал: «Если купишь у государства, то находишься досыта, а не купишь» [Там же, д. 83, л. 17]. Вместе с тем часть бедноты, опасаясь, что государство не сможет обеспечить продовольствием в случае голода, стала поддерживать зажиточное крестьянство, надеясь на материальную помощь с их стороны. Случаи раздачи хлеба бедноте зажиточными крестьянами были, но в незначительных размерах и чаще всего скрытно [Там же, д. 103, л. 111]. Следует отметить, что сами помогающие ставили прекращение помощи в зависимость от жесткой политики государства в свой адрес. Зажиточный крестьянин из поселка Н.-Оренбургского (Кваркенский район) говорил: «Вот я работаю, и ко мне ходят за хлебом каждый день 20 человек. Я понемногу давал, а теперь нет никому ни фунта. Пусть живут за счет власти, пусть их совет и кормит» [Там же, д. 83, л. 59].

Широкий резонанс в Оренбургском округе имело «троицкое дело» (1928 год), вызванное волнениями на базаре в с. Троицком. Причиной недовольства стали нарушения в продаже муки: население вынуждено было покупать ее по 7 рублей за пуд, тогда как начальник уголовного розыска, пользуясь своим положением, заплатил за пуд только 3 руб. 40 копеек. Вмешательство милиции в назревавший конфликт вызвало, согласно первоисточнику, «истерию» и распространение недовольства местной властью, в том числе в с. Петровском

и в г. Мелеузе [Там же, л. 56]. Армейские части, направленные на подавление таких «хлебных бунтов» летом 1928 года, увидев, что крестьянство выступает не против советского строя, а против «местных дуболобов», отказались от силового усмирения выступавших. На наш взгляд, «обеление» высшей власти было остаточным проявлением монархического сознания крестьянства, результатом перенесения стереотипа «хорошего царя» и «плохих чиновников» на советские реалии.

Спецсводки ОГПУ содержат данные о числе выступлений, количестве их участников, причинах крестьянских волнений за период с октября 1931 г. по март 1932 г. [10, с. 73]. Сопоставление этих данных по единоличному и колхозному сектору позволило сделать ряд выводов. Во-первых, причинами подавляющего числа крестьянских выступлений в единоличном секторе были религиозный вопрос и хлебозаготовки (33% всех выступлений), тогда как колхозники высказывали свое недовольство в подавляющем большинстве случаев из-за продовольственных затруднений (57%). В колхозах волнений на религиозной почве не отмечалось. Проведенное сопоставление числа выступлений по религиозным мотивам со статистикой гонений на церковь за период 1920-х – 1930-х гг. подтвердило совпадение пика репрессий в отношении церкви с ростом крестьянских выступлений [2]. Данный факт свидетельствует о том, что в начале 1932 г. серьезной опасностью надвигающейся трагедией среди крестьян-единоличников еще не было.

Наименьший процент выступлений крестьян, не вовлеченных в колхозы, случился по причине негативного отношения к коллективизации, протеста против обобществления имущества. В социалистическом секторе данный пункт по показателям схож с волнениями на почве хлебозаготовок [10, с. 73].

Анализ динамики численности участвующих в волнениях крестьян показал, что существовало два пика активности. Один из них пришелся на январь 1932 г. (1080 человек), что было вызвано ухудшением продовольственного положения вследствие хлебозаготовок, которые на данном этапе и были основной причиной. В марте 1932 г. произошел еще более значительный подъем численности участников (до 1250 человек), что было вызвано изъятием зерна у крестьян на нужды посевной.

Несмотря на комплексный характер причин активного крестьянского сопротивления, наибольшее количество выступлений (38%) как в единоличном, так и в социалистическом секторе происходило на почве продовольственных затруднений. Выступления против хлебозаготовок на данном этапе составили 27% из общего количества.

В целом можно отметить, что крестьянский протест принимал разнообразные формы, усиливаясь или затухая в зависимости от нажима власти в области хлебозаготовок.

Итоги проведенных аграрных преобразований невозможно оценить однозначно. Менталитет крестьянства, изначально базировавшийся на традиционных патриархальных ценностях, оказался сломен. Изменения на психологическом уровне вели к складыванию стереотипа «все общее, ничего моего» и отдалению крестьянина от результатов своего труда. Существовавшая в дореволюционной деревне практика взаимопомощи была подорвана планомерным уничтожением зажиточного крестьянства [6, с. 232]. Усиление модернизационных процессов в стране и необходимость снабжения продовольствием растущего рабочего класса повлекли за собой осуществление политики в деревне жесткими методами, которые вызвали закономерную реакцию населения.

Список литературы

1. **Виола Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 367 с.
2. **Емельянов Н. Е.** Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917-1952 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldentime.ru/nbk_31.htm (дата обращения: 19.05.2015).
3. **Зеленин И. Е.** Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 315 с.
4. **Ивницкий Н. А.** Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). М., 2000. 350 с.
5. **Кондрашин В. В.** Механизм возникновения голода в СССР в начале 1930-х гг. // История российского крестьянства XX века. М., 2011. С. 124-128.
6. **Кондрашин В., Пеннер Д.** Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза, 2002. 412 с.
7. **Мельникова Т. А.** Состояние аграрного сектора в российской деревне во второй половине 20-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 2 (4). С. 94-104.
8. **Осокина Е. А.** СССР в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Торговля? Распределение! // Отечественная история. 1992. № 5. С. 42-59.
9. **Сафонов Д. А.** Социальная активность и общественное сознание российского крестьянства: проблема источников и их репрезентативности // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X-XXI вв. Источники и методы исследования: XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (г. Рязань, 21-24 сентября 2010 г.). М., 2010. С. 95-97.
10. **Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931 гг. 864 с.
11. **Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание:** документы и материалы: в 5-ти т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 г. 879 с.
12. **Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНПО).** Ф. 4. Оп. 1.

**PROTEST OF ORENBURG PEASANTRY AGAINST AGRARIAN
AND FOOD POLICY OF SOVIET POWER AT THE TURN OF THE 1920-1930S**

Kalduzova Violetta Aleksandrovna
Orenburg State Pedagogical University
ka-violett@mail.ru

The article deals with the protest movement of Orenburg peasantry at the turn of the 1920-1930s. On the basis of previously unpublished archival documents the forms of passive and active resistance to carried out in the village grain procurement policy – methods, motives, and dynamics in number – are studied. The disappearing under the influence of external factors elements of mutual aid and community psychology of the peasantry are researched. The author concludes that the predominance of the motive to overcome food difficulties is the main for the peasantry, and notes that at this conjuncture peasant protest was a natural phenomenon.

Key words and phrases: peasantry; passive protest; active resistance; grain procurements; peasant mentality; rumors of war; anti-Soviet slogans; dynamics of peasant protests.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматриваются теософские моменты в цивилизационных теориях О. Шпенглера и А. Тойнби, наиболее репрезентативных представителей «теорий локальных цивилизаций». Предлагается рассмотрение «теории локальных цивилизаций» на основании бэконовского тринома, проливающего новый свет на прочтение этих классических произведений. Теоретические построения указанных авторов трактуются как синтетические, сочетающие в себе тео-, натуро- и антропософские элементы.

Ключевые слова и фразы: локальная цивилизация; теософия; историософия; формационный подход; цивилизационный подход.

Касимов Руслан Харисович, к. филос. н.
Тюменский государственный нефтегазовый университет
rhkasimov@mail.ru

ТЕОСОФИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ О. ШПЕНГЛЕРА И А. ТОЙНБИ)[©]

Цивилизационная теория, переживающая сегодня в России второе рождение, требует нового осмысления. Ставшее традиционным для теории культуры в России деление на «формационные» и «цивилизационные» теории, достаточные на начальном периоде их усвоения, в настоящее время представляется недостаточным. Возможна классификация и на других основаниях. Интересно рассмотрение этих социокультурных построений в свете бэконовской триады, разделяющей весь космос познания на божественное, природное и человеческое [1, с. 209].

«Теории локальных цивилизаций» являются в своей основе синтетическими построениями, содержащими в себе тео-, антропо- и натурософские элементы. Их образцовыми примерами могут стать системы О. Шпенглера и А. Тойнби, работы которых напоминают труды французских энциклопедистов по широте охвата и общему замыслу. «Энциклопедизм» указанных исследователей комплементарен их синтетическому методу.

Первым элементом бэконовского тринома выступает Бог. Теистическое основание общества и культуры, естественное для Средневековья, относительно редко встречается на Западе в рамках «теории локальных цивилизаций», возникшей в эпоху расцвета модерна. Однако деление цивилизаций по религиозному признаку долгое время выступало в качестве господствующего. Выделение религии как существенного признака классификации видов цивилизаций однозначно свидетельствует о признании теистических элементов как субстанционального (или одного из) фундамента общества.

Теософская доктрина О. Шпенглера растворена в синтетических конструктах его главной работы – «Закат Европы». Однако учение О. Шпенглера о «формах души» имеет непосредственное отношение к теософии. «Душа» – понятие, трансцендентное естественно-научному эмпиризму: «Несчастье “эмпирической психологии” в том, что она лишена даже объекта, в том смысле, как его понимает научная техника вообще» [5, с. 478]. «Всякая психология есть своего рода антифизика» [Там же, с. 479]. Как известно, лучшим кандидатом на роль антифизики является не столько психология, сколько религия. Создавая свой известный неологизм – «метафизика», Андроник Родосский подразумевал, по видимому, именно религиозные мотивы.

Трансцендентность «души» проявляется в противопоставлении «природе»: «Подобно тому, как “время” является противопонтием пространства, так и “душа” есть противомир по отношению к природе...» [Там же]. Эта «антиприродность», следовательно, может быть изучена только герменевтически, методом скорее